

"Гений постижения реальности". Сохранение памяти о Павле Кушнире

Андрей Шароградский

3 часа(-ов) назад

 Приоритетный источник в Google

Павел Кушнир

16 сентября в здании Церкви Благовещения у Марбл-Арч в лондонском районе Мэрилебон состоится необычное **исполнение Первой симфонии Людвига ван Бетховена оркестром Willow** (Willow orchestra, слово “willow” с английского переводится как “ива”). В первом отделении концерта слушатели будут сидеть между музыкантами, наблюдая за репетицией. Во втором состоится “классическое” исполнение бетховенской симфонии. Концерт организован **"Стипендией имени Павла Кушнира"**, основанной в память о молодом пианисте, погибшем от сухой голодовки в СИЗО Биробиджана, где Кушнир находился после ареста из-за несогласия с российским вторжением в Украину. Главная задача стипендии – помощь молодым талантливым музыкантам, каким был Кушнир.

Собеседник Радио Свобода – директор “Стипендии Павла Кушнира” Рома Либеров.

– В анонсе концерта на английском языке Павел Кушнир назван не только прекрасным пианистом, но и "educator" и "provocateur" я бы перевел эти слова как "педагог" и "возмутитель спокойствия"...

– Первое, скорее, просветитель...

– Да, согласен. Это самое точное слово... Как родилась идея столь необычного концерта?

– Когда ты подчинён или зависишь от имени, то ты всё время себя этим именем так или иначе испытываешь. Ты же не можешь оставаться привычным, скучным, безынициативным. Каждый концерт – это своего рода трюк, испытание. И у меня родилась идея. Я исходил из того, что мне хотелось бы самому оказаться внутри оркестра и послушать, что происходит во время репетиции. Собственно, так и будет выглядеть концерт в первой половине. Гости будут сидеть между оркестрантами: кто-то рядом с духовыми, кто-то рядом со струнными. Соответственно, их звук и восприятие музыки будут известным образом искажены. Слушатели станут свидетелями репетиции бетховенской Первой симфонии – с остановками, с замечаниями дирижёра, может быть, даже с какими-то конфликтами. А во второй половине, после перерыва, места аудитории вернутся в своё привычное положение, и мы сможем послушать что называется в чистом исполнении то, что музыканты только что репетировали. Вот и вся нехитрая форма.

Рома Либеров

Как оказалось, в такой форме концерты либо не проводились никогда, либо проводились настолько редко, что об этом не знают даже музыканты. Поэтому после некоторой борьбы и преодоления удивления мы всё-таки решились это сделать.

“ Это ли не чудо – 25 студентов, каждый из которых получает стипендию имени Павла Кушнера

– Вы пытались вначале как-то опробовать свою идею? Или музыканты сразу согласились с тем, что это интересная задумка?

– Мне не нужны доказательства того, интересно это или не интересно. Это ведь новый опыт с точки зрения слушателя. Для музыкантов это привычная сфера, и я не ищу среди них советчиков. Для меня важнее новый опыт для слушателя. У нас в Лондоне идёт знаменитый фестиваль BBC Proms. На тех концертах, на которые я хожу, я стремлюсь сесть, что называется, почти внутри оркестра. Таким образом проверяя – причём с разных сторон, – как это вообще может выглядеть и звучать.

– И, конечно, не могу не спросить по поводу выбора Первой симфонии Бетховена. Почему именно она?

– Вы знаете, тут, в принципе, звучать может что угодно. Важен сам опыт. Но в нашем случае дирижёр Богдан Скрыпка, руководитель Willow Orchestra, просто знает это произведение достаточно хорошо, чтобы иметь возможность его репетировать и исполнять. Конечно, наши амбиции простираются далеко [за пределы этого выбора], но заставить специально к концерту сделать что-то и собрать кого-то в нашем случае почти невозможно, особенно в условиях Лондона. Всё-таки коммерческое давление здесь очень сильно. Поэтому мы работаем с тем, что возникает.

– Богдан Скрыпка окончил одну из самых престижных мировых музыкальных школ – Гилдхоллскую школу музыки и театра. Это украинский дирижер?

– Богдан родился и вырос в Лондоне. Когда мы находились в поисках оркестра и вели разные переговоры – с оркестром Кембриджа, ещё с кем-то, – мы увиделись с Богданом, который очень воодушевлённо воспринял саму идею, которой, кстати, противостояла довольно высокая сила сопротивления. Мир академической музыки достаточно косный: вот принято так, и не принято иначе. Богдан оказался чрезвычайно открыт, и оркестр, который он создал из молодых музыкантов,

многих из которых мы и до того знали, тоже оказался открыт этому эксперименту. Более того, к оркестру присоединится наша стипендиатка здесь, в Лондоне, украинская скрипачка Ирина Марчук.

Одним словом, так случилось, что со стороны Богдана и оркестра не было силы сопротивления. И все вместе мы оказались готовы к эксперименту. Потому что это действительно экспериментальный концерт. Ведь вы не слушаете в полном контексте красоту музыки. Звук, повторяю, для слушателя искажён. То есть вы становитесь свидетелями репетиции оркестра, говоря философски, и только потом, высвободившись из этого круга, в котором вы были в первом отделении, вы можете послушать что-то со стороны и что-то обнаружить.

**“ "Биробиджанский
дневник" – лучшее из того,
что написано о первом
годе войны против
Украины**

– Я почему-то совершенно уверен, что Павел Кушнир вашу идею поддержал бы. И я вообще во многом удивлён, приятно удивлён, потрясён даже тем, что эта история, трагическая история Павла Кушнира, всё-таки оказалась столь долгоиграющей. Мы все знаем примеры, когда даже самые яркие

истории вспыхивают, потом внимание общественного мнения переключается, и о героях этих историй просто забывают. Павла помнят, вы организуете концерт, а скоро выйдет ещё один его роман. Как так получается? Как вам самому все это удается?

– Я не претендую на то, что соответствую интонации Павла. Мы, скорее всего, весьма разные люди. Я стараюсь соответствовать некоторой внутренней интонации. И вообще всё это было затеяно – а это глубоко неблагодарная работа, стипендия имени Павла – для того, чтобы возникала работа его имени.

Я совершенно согласен, это просто-напросто факт, констатация, что даже о самых больших, самых выдающихся, даже о героических людях память иссякает чрезвычайно быстро. Вообще, как оказалось, мы склонны забывать как можно быстрее. И память истончается почти мгновенно. Мне было важно, в связи с несогласием с тем, что произошло, чтобы жила память. Опять же, я не пытаюсь соответствовать и делать вид, что в точности понимаю, скажем, что бы делал Павел. И полагаю, что его друзья или близкие могут не согласиться с нашими интенциями, с нашим выбором, с тем, что мы делаем.

Но, в конечном счёте, задача стипендии – не устраивать концерты, а помогать студентам. И только что у нас закончились все совещания, завершили свою работу все отборочные комиссии. На нашем попечении в нынешнем академическом году

окажется 25 студентов. Это ли не чудо – 25 студентов, каждый из которых получает стипендию имени Павла Кушнера.

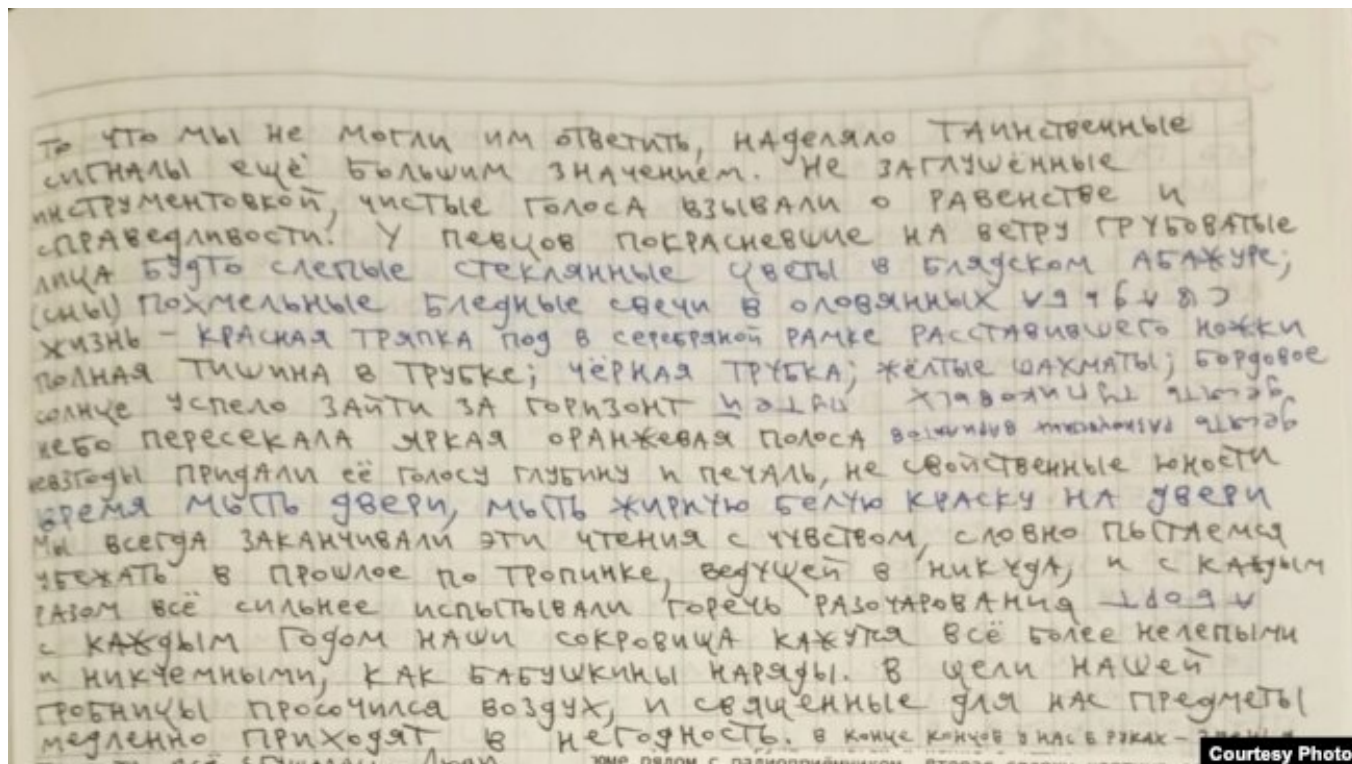
А что до концертов, то это просто публичная сторона вполне рутинной нашей и, повторяюсь, неблагодарной работы, – рассказывает директор "Стипендии имени Павла Кушнера" Рома Либеров.

Память о Павле Кушнере сохраняет не только стипендия его имени. За два года после смерти музыканта изданы несколько его книг, расшифровки радиопередач, которые Кушнер вёл в Биробиджане, очень скоро выйдет еще один его роман, готовится издание другого. Во всех этих проектах участвовал и участвует ещё один собеседник Радио Свобода – **Дмитрий Волчек**.

– Единственный роман, который Павел Кушнер успел издать при жизни, – это "Русская нарезка". Уже после смерти Павла он был переиздан, вышли его "Биробиджанский дневник" в издательстве "Медуза" и, в издательстве "Freedom Letters", "Мазурки по средам" – расшифровки радиопередач, которые Кушнер вёл незадолго до своего ареста. Обе книги вышли при вашем активном участии, а сейчас вы готовите к публикации ещё один роман Кушнера с удивительным названием "Косяг и Бегемот". Он написан в 2007 году, когда Павел был ещё юношей. Вы писали о нем в восторженных тонах, даже сравнивая Кушнера с французским поэтом Лотреамоном. Чем вам так понравился этот роман?

– Павел Кушнер не интересовался тем, что называется "литературная жизнь". Не предлагал свои рукописи крупным издательствам, не искал сочувствия критиков, не заводил литературных знакомств. Он писал от руки в тетрадях или на отдельных листах и дарил рукописи знакомым. Его повесть "Пыль", например, оказалась в Лондоне у известной певицы Грейс Чатто. Выход "Русской нарезки" в Дюссельдорфе можно назвать аномалией, и Кушнер ничего не делал для того, чтобы этот роман рекламировать в соцсетях, посылать рецензентам. Он был равнодушен к успеху, и книга не была замечена.

Роман, который я сейчас готовлю к печати, "Косяг и Бегемот", был написан, когда Павел Кушнер учился в Московской консерватории имени Чайковского. Это вторая часть трилогии. Первая, она называется "Семнадцатая весна", пока не найдена. А "Русская нарезка" трилогию завершает.

Страница из рукописи Романа Павла Кушнира "Ноэль"

Если вы читали "Русскую нарезку", вы узнаете приёмы, которые использовал Кушнир в этом романе. "Нарезка" – писательская техника, придуманная дадаистами в начале XX века. Затем её разрабатывали писатели бит-поколения, Брайон Гайсин и Уильям Берроуз. Их влияние заметно в текстах Кушнира. Без сомнения, есть и влияние сюрреалистов, поэтому я упомянул [Лотреамона](#) как предшественника сюрреалистического движения. Есть влияние Джойса. То есть Павел использовал большой комплекс приёмов модернистской литературы. Это потоки сознания, импрессионистские зарисовки, когда трудно понять, где кончается монолог одного человека и начинается речь другого. Это вставки из других текстов: скажем, в "Косяге и Бегемоте" это перечни населённых пунктов Тамбовской области, каталоги насекомых, отрывки из газетных статей.

Информационный шум, который тебя окружает, оказывается частью текста. Например, мы идём и читаем вывеску – и эта вывеска теперь тоже часть нашего внутреннего монолога. Или слышим рекламу – она становится частью того, о чём мы думаем. Или отрывок текста в газете, на экране мобильного телефона, роман другого писателя. Кушнир постоянно использует этот прием.

“ Павел Кушнир был настоящим гением, причём гением в самых разных сферах: и в

– А как вы думаете, обратили бы критики на такой роман внимание, если бы не трагическая судьба Павла Кушнира?

– Когда Кушнир писал роман, в начале двухтысячных годов, был большой интерес к

музыке, и в литературе, и в постижении реальности

такого рода экспериментальной прозе. Понимание революции, которая произошла в западной литературе в 1950–60-х годах, пришло в Россию очень поздно. Уильяма

Берроуза стали переводить только в 1990-е годы, и пик переводов пришёлся как раз на начало двухтысячных. И тогда в России увлекались такого рода письмом. Книги Андрея Башаримова, использовавшего похожие приемы, в начале двухтысячных годов были очень успешны, и критик Дмитрий Бавильский писал, что это новая русская литература. Владимир Сорокин – тоже писатель, близкий Кушнiru. Жаль, конечно, что "Косяг и Бегемод" выходит так поздно.

Впереди еще один роман – "Ноэль", над которым Кушнir работал после "Русской нарезки" и закончил в 2022 году. Рукопись не так давно была найдена, и я надеюсь, что мне удастся её подготовить к печати в следующем году.

– Задам вам тот же вопрос, что и Роме Либерову. Яркие истории, даже самые трагические, часто вспыхивают и быстро гаснут, общественное внимание переключается на что-то другое, герои этих историй быстро забываются. С Павлом Кушниром всё по-другому: уже больше двух лет прошло с тех пор, как он погиб, но о нём по-прежнему помнят, о нём говорят. Вслед за необыкновенно талантливым музыкантом мы открываем в нём интереснейшего писателя. "Стипендия Павла Кушнира" не просто несет его имя, но организует концерты в духе Кушнира. Как все это объяснить?

Дмитрий Волчек

– Есть слово, которое мало кто решается произносить, потому что оно девальвировано и кажется слишком пафосным. Но здесь оно уместно. Павел Кушнир был настоящим гением, причём гением в самых разных сферах: и в музыке, и в литературе, и в постижении реальности. Его "Биробиджанский дневник" отражает настроения 2022 года, когда в России была объявлена мобилизация. Он описывает как в провинции воспринимается война с Украиной. Кушнир был чрезвычайно наблюдательным человеком и говорил то, что другие его современники не способны были обобщить. Эта книга, по-моему, – лучшее из того, что написано о первом годе войны и переменах, которые произошли в российском обществе.

Мы живём в суетное время, когда все сводится к коротким твитам или роликам в TikTok, увлекающим нас на 30–40 секунд. Конечно, тексты Кушнира ничего общего с этой поспешностью не имеют. Это книги для вдумчивого медленного чтения.

Надеюсь, что им суждена долгая жизнь.

Андрей Шароградский

Международный обозреватель Радио Свобода. Автор и ведущий информационно-аналитического дайджеста, подкаста «Время Свободы»

Этот контент также в категориях

Культурный дневник

Выбор Свободы

Культура